

Берлинскій Конгрессъ 1878 года ¹⁾.

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Четвергъ 8/20 іюня. Въ ½ 11-го у Шувалова собрались: я, Бобриковъ и Убри. Я и Бобриковъ объяснили во всѣхъ подробностяхъ наше вчерашнее совѣщаніе съ англичанами и австрійцами и выставили на видъ все безобразіе англійскихъ домогательствъ. Всѣ согласились, что проведеніе границы Болгаріи сѣвернѣе Балканъ, съ оставленіемъ въ рукахъ Турціи всѣхъ проходовъ—немыслимо и не стоитъ оспариваній. Что засимъ, если несмотря на всю нелѣпость такой затѣи, англичане будутъ ее поддерживать, то придется прекратить частныя совѣщанія между Англіей, Австріей и Россіей и защищать свое дѣло прямо передъ конгрессомъ.

Отвѣтъ на депешу изъ Петербурга полученъ. Государь крайне недоволенъ требованіемъ англичанъ о допущеніи турецкихъ войскъ въ южную Болгарію. Оставляетъ Варну безусловно въ сѣверной Болгаріи, а на счетъ Софійскаго санджака еще не знаетъ, что сказать и выскажется, выслушавъ то, что привезетъ Боголюбовъ.

Вслѣдствіе выраженнаго нами удивленія по поводу непостижимой для насъ уступчивости Россіи, видимо заохочивающей Англию и Австрію къ возбужденію самыхъ оскорбительныхъ для нашего самолюбія и народной чести требованій, Шуваловъ сказалъ мнѣ и Бобрикову: „на послѣднихъ двухъ засѣданіяхъ у Государя въ

¹⁾ См. „Русск. Старину“ мартъ 1911 г.

Царскомъ Селѣ, подробно обсуждали наше положеніе и пришли къ заключенію, что оно таково, что слѣдуетъ многое уступить“. А послѣ послѣдняго, дорогою въ Петербургъ, Милютинъ сказалъ мнѣ: „вы, графъ, съ потерей даже личныхъ выгодъ и самолюбія должны скорѣе все уступить, чѣмъ привести къ новой войнѣ, къ которой мы неготовы“.—„Отчего же этого вы не сказали при Государѣ?— „Онъ это знаетъ“.—„Однако онъ защищалъ то, что не слѣдовало бы защищать, зная сущность положенія“.

Барятинскій, предполагавшійся передъ Наслѣдникомъ главнокомандующимъ противъ Австріи, говорилъ Шувалову, что при войнѣ съ Австріей полагалось отозвать Тотлебена изъ Болгаріи на лѣвый нашъ флангъ; въ центрѣ поставить войска Кіевскаго округа и Царства Польскаго, а на правый флангъ стянуть все, что есть до Балтійскаго моря. Всего могло бы быть 350 т. Очевидно Барятинскій перепуталъ.

Сегодня передъ пятью часами по полудни, стали собираться на Потсдамскомъ бангофѣ (около Тиргартена), приглашенные къ обѣду. Съѣзжались одновременно и вскорѣ собрались всѣ. Оказалось, что на этотъ обѣдъ приглашены только русскіе и австрійцы. Всего было человѣкъ сорокъ, считая прибывшихъ вновь и чиновъ посольствъ. Австрійскій посолъ графъ Кароли пріѣхалъ съ женой, прелестной женщиной лѣтъ 30, рожденной Ердеди (?) Говорятъ, лѣтъ десять тому назадъ, она и ея сестра сводили всѣхъ съ ума въ Эмсѣ.

Весьма смиренно взяли билеты взадъ и впередъ; особыхъ вагоновъ для насъ приготовлено не было. Шуваловъ, Андраши, я, Бобриковъ и еще Тёммель, австрійскій подполковникъ генеральнаго штаба, членъ нашей комиссіи, были въ военной формѣ, всѣ остальные въ вицъ-мундирахъ и лентахъ. Графиня Кароли была въ длинномъ бѣло-желтомъ пальто, подъ которымъ потомъ оказалось черное шелковое платье съ небольшими вырѣзами лифа спереди и сзади. Эти вырѣзы и рукава были изъ дырчатой матеріи и обшиты толстыми кружевами. На головѣ ничего, ни одного цвѣтка. При дворѣ трауръ по случаю смерти ганноверскаго короля. Горчаковъ все сидитъ дома.

Ѣзды до Потсдама—40 минутъ. Дорога идетъ нерѣдко между прекрасными дачами. На послѣдней станціи насъ ожидали придворные экипажи; я сѣлъ въ ландо съ гр. Адлербергомъ, Сороки-

нымъ и Араповымъ, и насъ скоро, черезъ паркъ, привезли ко дворцу, въ которомъ, въ лѣтнее время, проживаетъ кронъ-принцъ.

Дворецъ хотя и называется Neues Palais, но онъ построенъ Фридрихомъ Великимъ съ 1763 по 1769 г. послѣ семилѣтней войны въ доказательство, что у него есть еще довольно денегъ. Отъ Санъ-Суси дворецъ отдѣляется превосходнымъ паркомъ.

Надъ фронтономъ дворца три женскія фигуры поддерживаютъ колоссальную корону. „Это три бабы, съ которыми я воевалъ,— говорилъ Фридрихъ Великій—Елизавета, Марія-Терезія и Помпадуръ; онѣ поддерживали мою власть и корону“.

Во дворцѣ у него были роскошно отдѣланные покои, которые и до настоящаго времени сохраняются въ неприкосновенности. Жаль, что намъ ихъ не показали. Говорятъ, что Фридрихъ Великій всѣ счеты по постройкѣ сжегъ, такъ что о дѣйствительной стоимости дворца не знаютъ, но издержано на него очень много.

Черезъ обширный вестибюль, насъ ввели прямо въ огромную залу, которая занимаетъ среднюю часть нижняго этажа дворца; въ ней бьютъ фонтаны, а стѣны украшены на подобіе подземнаго грота, раковинами, сталактитами, пористыми камнями и проч. Это знаменитая *salle des grottes* (Muschelsaale). Она очень красива, въ старомъ затѣйливомъ вкусѣ.

Встрѣчали насъ придворные чины, камергеры или камеръ-юнкеры во фракахъ съ красными суконными воротниками и обшлагами. Некрасивая ихъ форма не мѣшала имъ быть изысканно любезными.

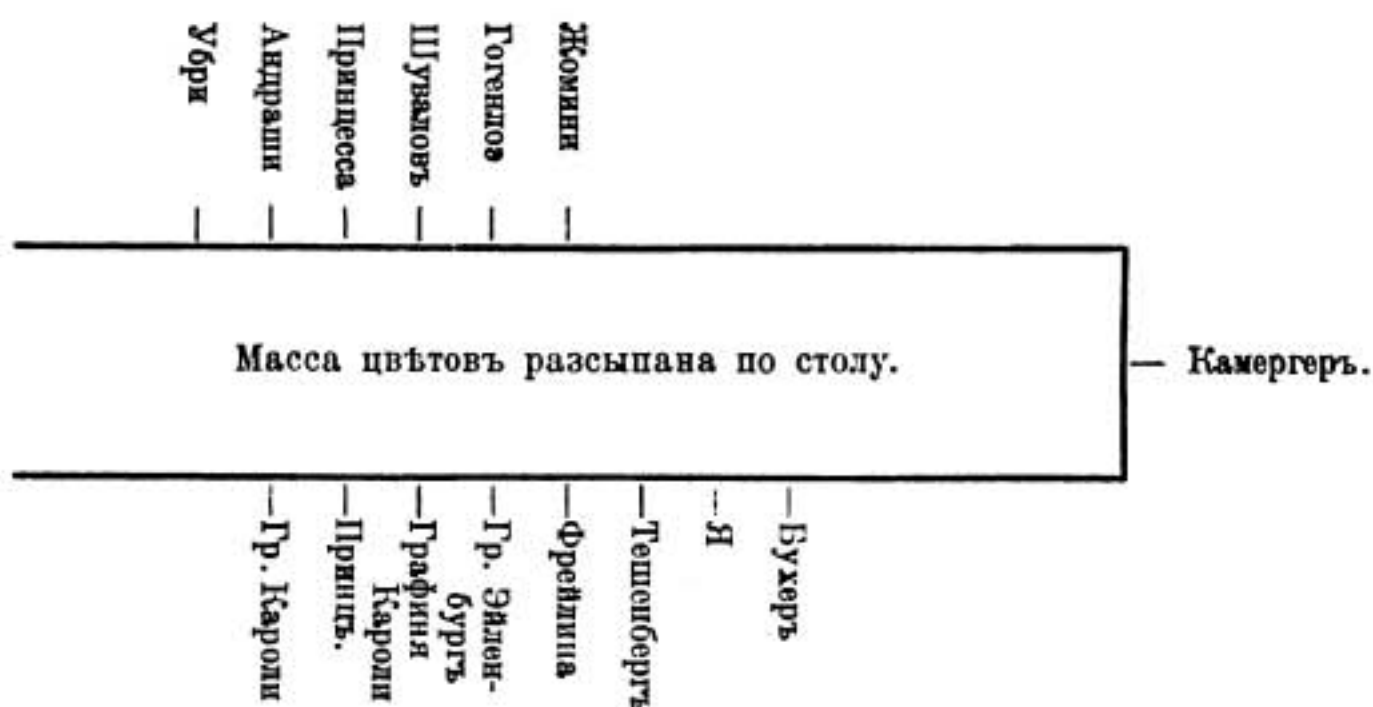
Принцъ вышелъ съ принцессой. Поклонъ въ обѣ стороны и глубокій реверансъ. Въ одну линію стояли уполномоченные, а потомъ группою всѣ остальные.

- М-е Кароли. ● Фрейлипа. ● Андраши.
- Кароли.
- Гаймерлэ.
- Шуваловъ.
- Убри.

Принцесса подошла къ графинѣ Кароли, поцѣловалась съ нею и, сказавъ нѣсколько словъ, перешла къ Андраши и съ каждымъ

изъ пяти уполномоченныхъ говорила по-немногу. Принцъ послѣ нея подошелъ къ Кароли и говорилъ съ нею и фрейлиной или статсъ-дамой, скверной нѣмкой. Переговоривъ съ уполномоченными, принцесса подошла къ принцу. Гофъ-маршалъ Эйленбургъ доложилъ, что обѣдъ готовъ, и принцъ, давъ руку принцессѣ, пошелъ въ сосѣдную Мраморную Галлерей (Marmor Gallerie), гдѣ накрытъ былъ столъ на 48 кувертовъ. Принцъ сѣлъ противъ принцессы и въ обѣ отъ нихъ стороны по 11 человѣкъ, а по концамъ по камергеру.

Diner le 21 Juin 1878.

- Potages: à la rouennaise
à la Princesse.
- Hors d'oeuvres: Boudin de volaille à la Villeroy
Petits pâtés de poulet
- Poissons: Turbot bouilli, sauce d'anchoix
Fruites au bleu.
- Rélevés: Jambon au vin de Bourgogne
Filet de boeuf à la flamande.
- Entrées: Poulets à la régence
Canetons aux ôlives
Foie gras de Strasbourg.
Pain de homards à l'anglaise.
- Rôts: Poularde } rôti { bread-sauce
Chevreuil } { sauce de groseilles.
Salade.

Légumes: Asperges, sauce au beurre.
 Entremets: Baba au chocolat
 Pudding diplomat
 Dessert.
 Glaces.

Обѣдъ былъ прекрасный, но полуанглійскій. Столъ былъ уставленъ превосходными цвѣтами, преимущественно бѣлыми, желтыми и разныхъ оттѣнковъ розами. Принцесса—любительница цвѣтовъ и птицъ.

Сосѣди мои были очень интересны. Слева: „чрезвычайный посоль и полномочный министр е. и. апостолическаго величества Тешенбергъ“. Это простой титуль, онъ не былъ еще нигдѣ посланникомъ и состоитъ при австрійскомъ мин. ин. дѣлъ. Справа—Лотаръ Бухеръ, теперь правая рука Бисмарка въ мин. ин. дѣлъ, а въ 1848 г. революціонеръ и строитель берлинскихъ баррикадъ. Не зная этихъ качествъ моего сосѣда, я преспокойно говорилъ съ нимъ о быломъ Потсдама, и онъ усердно и охотно поддерживалъ разговоръ, сообщая мнѣ разныя свѣдѣнія о дворцѣ, Фридрихѣ Великомъ и проч. Съ видимымъ неодобреніемъ замѣчалъ, что въ семьѣ кронъ-принца все на англійскій манеръ, за что берлинцы мало симпатизируютъ кронъ-принцессѣ. Подъ конецъ обѣда онъ взялъ нѣсколько конфектъ и, завернувъ ихъ въ бумажку, сказалъ: „это я отвезу женѣ; я всегда привожу домой что-нибудь съ каждаго обѣда, на которомъ бываю одинъ, безъ семьи“. Послѣ обѣда, баронъ Фредериксъ, сидѣвшій vis-à-vis со мной, объяснилъ мнѣ кто такой Бухеръ и сказалъ: „а мы (онъ сидѣлъ рядомъ съ мѣстнымъ губернаторомъ) удивлялись, глядя на васъ, о чемъ это вы такъ дружелюбно разговаривали съ такой букой, какъ Бухеръ“. Очень можетъ быть, что, зная біографическія подробности о Бухерѣ, я не обратился бы къ нему съ пустымъ вопросомъ и не далъ бы ему возможности оказаться занимательнымъ собесѣдникомъ.

Кромѣ знакомыхъ австрійцевъ былъ на обѣдѣ и Гербертъ Бисмаркъ въ военной формѣ, и всѣ мы дружно и весело разговаривали. Главнымъ предметомъ разговора была наша комиссія, слухи о дебатахъ которой уже разошлись и всѣ издѣвались надъ невозможными предложеніями англичанъ.

Послѣ обѣда вышли изъ дворца въ садъ на террасу. Принцъ подходилъ къ каждому изъ насъ. Мнѣ высказалъ сожалѣніе, что работы въ комиссіи помѣшали намъ быть вчера на смотру ихъ учебнаго батальона, который занимаетъ въ Потсдамѣ павильонъ

дворца. Подходила и принцесса. Разспрашивала, когда я видѣлъ Императрицу, что она всѣхъ ихъ перепугала своею болѣзнью и проч. ¹⁾ Была очень любезна. За обѣдомъ мнѣ со всѣхъ сторонъ поднимали бокалы новые знакомцы; пили другъ за друга.

Въ 8 ч. безъ 10 минутъ ушла принцесса, простившись съ графиней Кароли и поклонившись намъ. Принцъ оставался до 8. Потомъ подали экипажи, прокатили насъ по парку и Санъ-Суси и подвезли ко второй станціи какъ разъ, когда къ ней подходилъ поѣздъ. Въ 9 ч. ровно мы были въ Берлинѣ, и гр. Шуваловъ довезъ меня въ своей коляскѣ.

Дорогою гр. Шуваловъ разсказалъ мнѣ, что вчера у него была стычка съ Биконсфильдомъ. Шуваловъ сказалъ, что Государь Императоръ желаетъ вопросъ о занятіи турками южной Болгаріи обсудить еще и просилъ отложить засѣданіе до субботы. *Биконсфильдъ*: „Мы пріѣхали сюда изъ Англіи, устроить здѣсь дѣла турецкаго султана и предоставить ему полную возможность проявлять свою власть въ Турціи; мы не можемъ терять времени. Этотъ вопросъ надо давно кончить; онъ самый главный, и если на него не согласятся, то и разсуждать нечего“.

Шуваловъ. „Напрасно вы говорите, что не любите терять время; я самъ тоже не люблю этого, но что же дѣлать, когда получаешь такія предложенія, какъ напр. сдѣланное вчера вашими офицерами о разграниченіи. Я принимаю его за шутку, и если вы его не измѣните, то нечего и толковать“.

Англичанинъ смягчился и сказалъ, что нѣтъ еще ничего рѣшеннаго.

На отложеніе 3-го засѣданія съ 21-го на 22-ое Конгрессъ согласился.

Бисмаркъ пришелъ въ ярость (по словамъ Шувалова), узнавъ о границѣ по Балканамъ съ англійской точки зрѣнія. Англичане хотятъ разорвать съ нами, вслѣдствіе обнародованія лондонскаго меморандума, несогласнаго съ мнѣніемъ ихъ партіи, громко протестующей по поводу уступокъ, сдѣланныхъ до Конгресса. „Слѣдовательно, сказалъ гр. Шуваловъ, я заставилъ англичанъ подписать такое обязательство, отъ котораго они теперь отрещиваются“. Это его собственные слова. Итакъ онъ думаетъ, что лондонскимъ меморан-

¹⁾ Я представлялся Государынѣ, передъ отъѣдомъ въ Радомъ, 20 мая, а заболѣла она 22-го мая.

думомъ услужилъ Россіи! Стало быть онъ имѣлъ достаточную свободу дѣйствій и заключилъ условія 18 (30) мая не въ силу неизбежныхъ обстоятельствъ и точнаго приказанія изъ Петербурга, а по своей инициативѣ, думая, что вынуждаетъ англичанъ къ невыгодной для нихъ сдѣлкѣ. Какое заблужденіе!

Австрія соглашается отказаться отъ Enclave, если мы дадимъ ей военный постъ въ Митровицѣ и затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, не будемъ препятствовать занять и всю Enclave. За это обѣщаютъ помогать намъ по вопросамъ о границахъ. Вотъ они торгуются на чистоту; знаютъ чего требуютъ и прямо высказываютъ, что прежде всего думаютъ о своихъ собственныхъ интересахъ, а не донкихотствуютъ объ участи христіанъ.

Посмотрѣвъ на часы и видя, что, судя по времени, поѣздъ Варшавской желѣзной дороги пришелъ уже въ Царское Село и довезъ Боголюбова, я говорю Шувалову: „вѣроятно, Государь теперь принимаетъ Боголюбова и чрезъ нѣсколько часовъ вы получите окончательный отвѣтъ о Софійскомъ санджакѣ“.

Отвѣта на запросы, посланные съ Боголюбовымъ, ожидаютъ только завтра и то среди дня, полагая, что только утромъ соберется въ Царскомъ Селѣ комитетъ по восточнымъ дѣламъ и выслушаютъ Боголюбова. Поэтому и совѣщаніе съ Англійей и Австріей по вопросу о границахъ назначено на завтра въ 5 ч. по полудни.

Разсказъ Шувалова поразилъ меня; о времена, о нравы! Интересно, какъ онъ понимаетъ бремя лежащей на немъ отвѣтственности.

На послѣднемъ засѣданіи, князь Горчаковъ по своей старческой разсѣянности снова произвелъ безобразіе. У него есть изъ военнаго министерства карта мало-азіатскаго театра войны съ показаніемъ на ней границъ прежнихъ и Санъ-Стефанскаго договора, а также съ проведенными чертами, означающими предѣлы возможныхъ уступокъ. Эту карту, составляющую, разумѣется, большой секретъ, князь Горчаковъ, неизвѣстно для чего взялъ на засѣданіе (о Малой Азіи на немъ разсуждать не предполагалось), развернулъ и положилъ передъ собою, какъ разъ подъ глазами своего сосѣда Одо-Россея. Любопытные взгляды англичанина обратили на себя вниманіе Шувалова, и онъ взялъ карту къ себѣ. Секретныя карты теперь отобрали отъ Горчакова, ему дали обыкновенныя.

Пятница 9/21 іюня. Собрались въ $\frac{3}{4}$ 5-го у Шувалова—Убри, я и Бобриковъ. Полученная изъ Петербурга депеша (отвѣтъ на посылку Боголюбова) извѣщаетъ, что окончательно согласны на присоединеніе Софійскаго санджака.

Итакъ, Македонія уступлена окончательно, и Болгарія съ Румелией будутъ граничить съ Салоникскимъ вилайетомъ. При такомъ порядкѣ вещей, намъ не только не придется ничего занимать вновь, но мы должны очистить Джуму, которая, какъ входившая въ демаркаціонную черту, была занята нашими войсками. Говоря о Софійскомъ санджакѣ, Шуваловъ передалъ о новой каверзѣ англичанъ. Видя, что мы придаемъ этому санджаку большое значеніе, они начали говорить, что никогда не соглашались на уступку намъ Софійскаго санджака, т. е. мѣстности, имѣвшей свои опредѣленныя административныя границы, а подразумевали только Софію съ нѣкоторымъ около нея пространствомъ и что потому необходимо особо опредѣлить, что именно должно быть отрѣзано отъ санджака какъ единицы административной. Главнымъ образомъ они настаиваютъ на томъ чтобы за Турціей остались верхній бассейнъ Искера и Ихтиманскій проходъ. Они полагаютъ, что въ будущемъ это путь сербовъ въ Турцію. Въ видахъ трудности точно формулировать ихъ требованія, они заявляютъ, что согласны будутъ на то, чтобы точную границу въ этомъ мѣстѣ опредѣлила, со временемъ, Европейская комиссія.

Въ 5 ч. было новое совѣщаніе Россіи съ Англіей и Австріей; точнаго ничего не опредѣлилось. Англія и Австрія рѣшили имѣть завтра въ 12 час. особое между собою совѣщаніе для установленія одинаковыхъ взглядовъ на границу. Сойдясь во взглядахъ, они обѣщали пригласить на то же засѣданіе и Россію съ тѣмъ, чтобы къ тому же времени въ англійское посольство, гдѣ будетъ происходить совѣщаніе, явились и военные представители, для окончательнаго, на случай надобности, разъясненія спора по картѣ. Шуваловъ поэтому пригласилъ меня и Бобрикова къ себѣ завтра въ субботу къ $\frac{3}{4}$ 12-го. На завтра же 10 (22) іюня назначено и четвертое засѣданіе. Конгрессъ, по обыкновенію, открывается въ два часа.

Всѣ недоразумѣнія о границахъ происходятъ, какъ мнѣ кажется, отъ того, что лица, первоначально объ этомъ переговаривавшіяся въ Лондонѣ, т. е. Биконсфильдъ, Салисбюри и Шуваловъ, не имѣли достаточныхъ географическихъ знаній и совершенно не были знакомы

съ особыми свойствами нѣкоторыхъ пунктовъ, которые между тѣмъ вслѣдствіе своихъ стратегическихъ, этнографическихъ, или просто топографическихъ условій имѣли для той или другой стороны особую важность. Этимъ только и можно объяснить недоразумѣнія столь крупныя, какъ значеніе Балканъ, вопросъ о Софійскомъ санджакѣ безъ точнаго опредѣленія значенія этого понятія и проч. Что англичане отличались подобнымъ незнаніемъ, это показываетъ возбужденіе ими въ Берлинѣ вопросовъ, которые легко были бы разрѣшены и пожалуй въ ихъ смыслѣ, при первыхъ переговорахъ въ Лондонѣ, гдѣ мы такъ легко шли на уступки. Шуваловъ самъ говорилъ, что учился на мѣдныя деньги. Говорятъ, что передъ войною 1877—1878 г. къ нему въ Лондонъ посылали офицера генеральнаго штаба (А. А. Боголюбова?), чтобы на мѣстѣ, въ устной бесѣдѣ, разъяснить разницу между Босфоромъ и Дарданеллами. Объ этомъ мнѣ приходилось слышать въ присутствіи лица, ѣздившаго будто бы для этого въ Лондонъ. Онъ можетъ подтвердить или отвергнуть эту ссылку на него.

Суббота 10/22 іюня. Въ назначенное время собрались у Шувалова и все толковали о тѣхъ же злополучныхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Вскорѣ, англичане и австрійцы, совѣщавшіеся въ англійскомъ посольствѣ, прислали за Шуваловымъ. Было $\frac{1}{2}$ 2-го и всѣ мы—Шуваловъ, Убри, я и Бобриковъ—пошли къ англичанамъ. Шуваловъ и Убри прошли въ кабинетъ посла, а я съ Бобриковымъ остался въ залѣ, гдѣ уже находились офицеры англійскіе и австрійскіе. Переговоры уполномоченныхъ продолжались нѣсколько болѣе получаса. Затѣмъ двери кабинета отворились, и въ залѣ появился Биконсфильдъ. Вглядѣвшись въ него хорошенько, я замѣтилъ, что онъ шамкаетъ губами—совсѣмъ уже дряхль. Несмотря на это мозги у него цѣлы. И у нашего стараго канцлера живости много, за то мысли не въ порядкѣ—все забываетъ и перепутываетъ. Вскорѣ послѣ ухода Биконсфильда,—полюбопытствовавшего посмотреть въ залѣ посла на голубятникъ, устроенный въ нижнемъ окнѣ, выходящимъ во дворъ—появились и прочіе уполномоченные. Нашихъ указаній не понадобилось, но результатовъ положительныхъ опять не достигнуто. Биконсфильдъ впрочемъ неодобрительно отозвался о дѣятельности своихъ офицеровъ: „мы государственные люди, а между тѣмъ цѣлый часъ толковали по поводу безразсудства какого-то англійскаго офицера“.

Едва-ли скоро придется возвратиться отсюда. Около мѣсяца дѣло протянется навѣрно. Спорятъ ужасно, но хотятъ добиться конца, а потому нѣтъ конца частнымъ совѣщаніямъ, на которыхъ-

то и улаживается суть, а то бы дошло до свалки на самомъ Конгрессѣ.

Вечеромъ мы, т. е. прїѣхавшіе на Конгрессъ, приглашены въ зоологическій садъ, на большой военный концертъ. Присланы красивые билеты съ золотымъ обрѣзомъ. Приглашены, разумѣется, для увеличенія дохода сада, потому что, безъ сомнѣнія, явится масса охотниковъ посмотрѣть на *M-gs les congréssistes*. А любопытныхъ вездѣ много, и особенно въ жару, какая теперь здѣсь, прогуляться прїятно. Я не поѣду, уже былъ тамъ два раза въ этотъ прїѣздъ и новаго ничего нѣтъ, а теперь ѣхать—значить только выставять себя—пожалуй для приглашенныхъ, которые явятся съ особыми билетами, будетъ отведено мѣсто, и всѣ станутъ на нихъ смотрѣть какъ на звѣрей.

Сегодня Горчаковъ ночью разболѣлся и не былъ на засѣданіи Конгресса. Вся тяжесть дѣла и безъ того лежитъ на Шуваловѣ, который, надо сказать правду, работаетъ усердно, отлично выслушиваетъ постороннія мнѣнія и, разъ понявъ дѣло, ведетъ его хорошо. Онъ совѣщается съ иностранными уполномоченными и Бисмаркомъ, подаетъ заявленія въ Конгрессъ и самостоятельно телеграфируетъ въ Петербургъ. Переговоры его съ Горчаковымъ происходятъ кажется, только для виду; по крайней мѣрѣ, возбудивъ какой-либо вопросъ и потребовавъ нашего мнѣнія (офицеровъ генеральнаго штаба), онъ тутъ же, немедленно, принимаетъ то или другое рѣшеніе, дѣйствуя вполнѣ независимо. Это—очень способный и крайне любезный человекъ.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

